

ЛитРес:

ДЕТЕКТИВ

Дело Зили-султана

Тайный дневник Михаила Булгакова

Камень погибели

Приключения Бодхисаттвы

Дело черных дервишей

Дело двух Феликсов

Хроники преисподней

Дело наследника цесаревича

Гибель Сатурна

Сокровища ханской ставки

Продолжение следует...

СОКРОВИЩА ХАНСКОЙ СТАВКИ

NON REFERT
QUAM MULTOS,
SED QUAM
BONOS HABEAS

ЛитРес:

МОСКВА

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
А69

Все права защищены.
Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения владельца авторских прав.
Исключительные права принадлежат ИП Воробьев В.А.

Оформление — Д. Исаев

АНОНИМУС.

А69 Сокровища ханской ставки: [роман] / АНО-
НИМУС. — Москва: ЛитРес : Издательство АСТ,
ИД СОЮЗ, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-6049168-7-2 (ИД Союз)

ISBN 978-5-17-159471-8 (ООО Издательство АСТ)

Исполняется сорок дней с того момента, как бандиты в квартире генерала Воронцова застрелили его старинного друга, полковника КГБ Александра Лукова. Воронцов приглашает на поминки старшего следователя Волина и дает ему прочитать очередную тетрадь воспоминаний Загорского.

...Командир Отдельного корпуса жандармов, генерал-лейтенант Толмачев на правах старого знакомства просит Загорского помочь расследовать одно странное дело, связанное с археологическими раскопками.

Остзейский немец барон Роман фон Шторн отправился с экспедицией в Царицынский уезд, в деревню Розумихино. Во время раскопок пропадает работавший на него эстонец Магнус Саар. Позже на берегу местного лесного озера находят обрывки его окровавленной одежды. Прибывший расследовать дело жандармский следователь Персефонов спустя некоторое время тоже пропадает бесследно...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-6049168-7-2 (ИД СОЮЗ)

ISBN 978-5-17-159471-8 (ООО Издательство АСТ)

© АНОНИМУС. Текст, 2024
© Исаев Д.А. Оформление, 2024
© ИД СОЮЗ, 2024
© ИП Воробьев В.А., 2024
© ООО «ЛитРес», 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Пролог

СТАРШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ ВОЛИН

Франко-итальянский вояж Ореста Витальевича Волина, когда пришлось ему гоняться за убийцей, неуловимым в первую очередь потому, что он и сам про себя не знал, что он убийца, при всей своей бодростью экзотичности вышел старшему следователю боком.

Нет, сам-то по себе вояж был неплох... Пойдите, скажет тут вдумчивый читатель, как же неплох, если нашего дорогого старшего следователя едва не убили? Да, если бы убили, это было бы неприятно, согласился бы сам Волин, однако все-таки не убили, только руку сломали, а при нынешнем развитии мировой и российской медицины рука — дело наживное. Это, конечно, не в том смысле говорится, что рукой больше, рукой меньше — никто и не заметит. Возможно, есть такие специальности, в которых руки не нужны и даже мешают, особенно если растут они не из того места, однако в работе старшего следователя руки почти так же важны, как и ноги, не говоря уже о голове. У старших следователей, скажу я вам, все руки наперечет, особенно если речь идет о столь солидном учреждении, как Следственный комитет. Так что да, руку сломали,

но все же не отломали напрочь, и кость уже срослась, даже гипс сняли. Оставались еще некоторые болезненные ощущения, но физиотерапевт обещал, что они пройдут месяца через полтора-два.

Однако, пока рука заживала, делами волинскими никто не занимался. Точнее сказать, пару его дел передали другим следователям, но у тех и своих забот хватало. Так что работа неуклонно копилась и росла, как снежный ком, из-за чего теперь приходилось трудиться в два раза интенсивнее. К счастью, полковник Щербаков входил в положение Волина и без крайней необходимости его не поторапливал. Однако сегодня, часов в одиннадцать, все же позвонил по служебному телефону и велел зайти к нему в кабинет.

Недоумевая, чего вдруг понадобилось начальству и не собирается ли все-таки Щербаков навесить на него новое дело — так сказать, приятным бонусом к остальным, — старший следователь толкнул дверь полковничьего кабинета.

— Приветствую, Геннадий Романович!

— А, здорово, здорово. — Настроение у Щербакова, похоже, было неплохим — и на том спасибо: видеть сейчас мечущего молнии громовержца Орест Витальевич положительно был не готов. — Присаживайся, в ногах правды нет.

О том, что правды нет не только в ногах, но и выше, Волин знал хорошо, но лишний раз решил об этом не упоминать, просто сел на стул рядом с начальственным столом и соорудил почтительную физиономию.

— Ты, майор, человек еще молодой, — начал шеф покровительственно, — и многого в жизни не знаешь.

Не очень понимая, как отвечать на столь загадочный зачин, старший следователь только руками слегка развел: дескать, ваша правда, товарищ полковник, грешен, но с течением лет непременно исправлюсь.

— При советской власти ты, думаю, и не пожил толком, поди, и пионером не был, — продолжал полковник, всем видом своим обнаруживая необыкновенную проницательность.

Орест Витальевич сокрушенно вздохнул: действительно, не успел, но виноват в этом отнюдь не Волин, а Горбачев с Ельциным, на пару прихлопнувшие не только пионеров с октябрятами, но и всю славную советскую действительность.

— А между тем при СССР много чего было хорошего, а не только глазированные сырки по пятнадцать копеек, — вел свою линию Щербаков. — Например, была там песня, в которой пелось: «Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет».

Волин отвечал, что фразу эту из песни не очень помнит, но целиком и полностью с ней согласен — как с первой ее частью, так и со второй.

— Ну а если согласен, так чего ж ты деда своего в черном теле держишь? — напрямик спросил полковник. — Почему он мне звонит и на тебя жалуется?

Старший следователь похолодел. Вид восставшего из гроба деда Аркадия, который, добредя до ближайшего телефона-автомата, набирает номер Следственного комитета и усердно ябедничает полковнику на внука, недовольный тем, что тот уже год не посещает могилку, — так вот, вид этот на миг затмил ему не только лицо полков-

ника, но и весь имеющийся в наличии горизонт. В следующую секунду, однако, морок рассеялся, и вместо деда явилась ему ехидная физиономия генерала Воронцова, который ухмылялся и хитро подмигивал: «Знай наших! Все равно по-моему будет!»

— Что бы там ни было, какая бы работа ни навалилась, а динамь старика нехорошо, неправильно, — укоризненно говорил между тем полковник. — В его возрасте, видишь ли, любой день может последним оказаться. Многие до таких лет и вовсе не доживают, понимаешь ты это?

Раздосадованный Волин хотел было ответить, что генерал Воронцов еще их с полковником переживет, но поглядел на благодушную физиономию начальства и решил промолчать. Вместо этого он сказал вот что.

— Я, — сказал, — товарищ полковник, ему уже объяснил, что приеду вечером, как только служебные дела худо-бедно раскидаю.

Полковник на это только головой покачал: а вот тут майор неправ. Дела не раскидывать надо, а работать над ними — это во-первых. Во-вторых, не худо-бедно, а тщательнейшим образом. И в-третьих, он его сегодня от работы освобождает и отправляет к деду — пусть старик порадует.

— Даю тебе на сегодняшней день отгул, — про-явил Щербаков душевную щедрость.

— Спасибо, товарищ полковник, — улыбнулся Волин.

— Меня можешь не благодарить, возместишь из отпуска, — широко улыбнулся полковник. — А теперь одна нога здесь, а другая — у деда!

В квартире у Воронцова Волин оказался двумя ногами и уже спустя каких-то сорок минут.

— Ну, Сергей Сергеевич, исполать¹ вам! — сказал он саркастически, когда генерал сам открыл ему дверь: после того как у него в доме убили сослуживца, Воронцов наконец стал все-таки запирается изнутри. — Как говорится, спасибо от всего сердца!

— Что, обиделся? — спросил тот, поглядывая на Волина снизу вверх из-под кустистых бровей.

— Во всяком случае, не сильно обрадовался, — отвечал тот, проходя в квартиру. — Я же обещал вам прийти вечером, а вы зачем-то полковнику звоните, кляузничаете на меня...

— Вечером — поздно, — заметил генерал, закрывая за ним дверь, которая обросла теперь замками, как морской камень — ракушками. — Во-первых, сегодня сорок дней Сашкиной смерти, во-вторых, придется тебе кое-что почитать.

Сашка, или, точнее, Александр Анатольевич, — это был полковник Луков, тот самый, которого расстреляли бандиты в генеральской квартире, перепутав с самим генералом. Воронцов хотел помянуть старинного друга, и об этом Волин знал. Но что генерал приготовил ему еще и какое-то чтение, об этом разговора не было.

— Не какое-то, — пробурчал генерал. — Чтение я тебе приготовил отменное, от нашего так называемого надворного советника, он же — его превосходительство Нестор Васильевич Загорский.

---

¹ Исполать (*искаж. греч.*) — хвала, слава, благодарность.

Так уж вышло, что чтение это напрямую связано с судьбой полковника Лукова.

— Каким же образом? — спросил старший следователь, удобно усаживаясь в кресло: он знал, что чай генерал готовит сам и сам же приносит его гостю, следовательно, ему оставалось только расслабиться и слушать Воронцова. — Как покойный полковник оказался связан с Загорским?

Генерал ответил не сразу. Он медленно опустился в кресло напротив Волина, с минуту разглядывал его внимательно, как будто в первый раз видел. Потом нахмурился, пожевал губами, перевел глаза на потолок.

— Скажи, друг ситный, что ты знаешь о золотых конях монгольского хана Батые? — спросил Воронцов, по-прежнему глядя в зенит, словно пытался вспомнить что-то давным-давно забытое, но очень теперь нужное.

— Ничего не знаю, — чистосердечно отвечал старший следователь. — Если хотите, могу погуглить.

— Не надо, — поморщился генерал. — Забудь про свой Гугл, посмотри-ка лучше вот это...

И он положил перед Волиным пачку свежераспечатанных листов.

— Вы, Сергей Сергеевич, зря все время их распечатываете, — заметил Волин, — только бумагу тратите. Проще было бы пересылать их мне по почте.

— Надо не как проще, а как надежнее, — весомо отвечал Воронцов. — Читай.

Старший следователь пожал плечами: как скажете, хозяин — барин, взвесил пачку в руке, заметил мимоходом, что она, кажется, легче и тоньше предыдущих, и немедленно принялся за чтение.

Глава первая

СЕРДЦУ ДЕВЫ НЕТ ЗАКОНА

«Трехосный вагон-микст¹, наполовину рыжий, наполовину зеленый, мерно постукивал на стыках рельс, подминая под себя необозримые версты желтеющих пшеницей южнорусских степных просторов. В вагоне этом, как некогда в Ноевом ковчеге, смешалась нынче самая разная живая тварь. В роли живой твари на сей раз выступали не доисторические животные, спасаемые от мирового катаклизма доброю волей ветхозаветного патриарха, а пассажиры второго и третьего классов, которым по каким-то причинам понадобилось вдруг переместиться из прохладных параллелей русского севера в куда более теплые широты русского же юга.

Впрочем, сравнение с Ноевым ковчегом не совсем тут выходило уместным. Да, все пассажиры микста ехали в одном вагоне, однако агнцы, то есть чистая публика, по билетам отнесенная ко

---

¹ Вагон-микст — вагон, в котором совмещались места из разных классов, например первого и второго, второго и третьего, третьего и почтового и так далее.

второму классу, сидела в передних купе на мягких диванах, обитых празднично-пестрым сукном; определенные же в третий класс козлица обоих полов уныло протирали штаны и юбки на жестких деревянных сиденьях в конце вагона.

Внезапно и крепко запахло водкой — кто-то из третьего класса, желая смягчить суровую действительность, откупорил бутылку и припал к ней, словно младенец к материнским сосцам. Однако если младенец, наевшись молока, обычно откидывается и засыпает сном праведника, каким он и является по самой своей малолетней натуре, здесь выпитая водка произвела совершенно противоположное действие. Явивший себя на общее обозрение поклонник зеленого змия лицо имел молодое, но обиженное и одутловатое, одет же был с дешевой претензией: в оранжевый пиджак, белую сорочку, синие брюки и черно-белые лаковые штиблеты. Сей сомнительный франт, оторвавшись от бутылки, выдохнул воздух и негромко, но весьма угрожающе запел низким баритоном:

Хоть лихие вы, поля-аки,
Покоритесь же вы на-ам...
Если вы не покори-итесь,
Пропадете, как трава-а:
Наша матушка-Росси-ия
Всему свету голова-а-а...

Сидевший в купе второго класса представительный седовласый господин лет, вероятно, пятидесяти, одетый в охотничий пиджак «норфолк» зеленоватого оттенка, клетчатую рубашку, широ-

кие твидовые штаны и мягкие сапоги, с интересом прислушался к пению и заметил негромко:

— Все-таки мы недооцениваем господ беллетристов. Вот взять хотя бы Чехова. Все сходят с ума по его пьесам, весьма, надо сказать, заурядным — во всяком случае, до Островского Чехову далеко. Однако многие ли сейчас помнят его повести? А ведь они, в сущности, все писались с натуры. Сей певучий субъект, которого мы имеем сомнительное удовольствие наблюдать, словно бы сошел во всей своей непосредственности прямо с чеховских страниц. Вот тебе, Ганцалин, случай оценить глубину проникновения писателя в душу народа.

Сидевший напротив него желтолицый джентльмен с раскосыми глазами, одетый в полосатый и тоже твидовый костюм-тройку и тяжелые ботинки-броги, заложил ногу на ногу и поморщился.

— Плохо поет, — решительно сказал желтолицый, которого его спутник звал китайским, по видимости, именем Ганцалин. — Это во-первых. Во-вторых, один пьяница — это еще не весь народ.

— А сколько же именно, по твоему мнению, требуется пьяниц, чтобы составить из них целый народ? — саркастически осведомился его визави. — Уверяю тебя, один пьяница больше влияет на жизнь общества, чем десяток добропорядочных граждан. Даже взятый отдельно, пьяница способен заварить такую кашу, которую не расхлебает целое благородное собрание. Может быть, поэтому в отечестве нашем, в остальных отношениях просто безупречном, многие хорошие дела идут сикось-накось, если не выразиться более определенно.

— Хотите сказать, что виной всему — алкоголизм? — любопытствовал желтолицый.

— Нет, — отвечал его спутник. — Виной всему — установившийся порядок, когда один дурной человек определяет жизнь сотни хороших.

Тут, однако, он неожиданно прервал сам себя и заметил, что, пожалуй, Ганцалин все-таки прав: не стоит делать слишком широких обобщений из одного только примера. У всех свой путь, и, может быть, русский путь в том и состоит, чтобы не продвигаться вперед слишком уж быстро и решительно, а довериться естественному ходу вещей. Тем более на сей счет уже поступило исчерпывающее руководство от тех же господ литераторов.

— Умом Россию не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная стать — в Россию можно только верить, — продекламировал седовласый господин.

— Стихи, — подумав, резюмировал его желтолицый собеседник.

— Ты нечеловечески проницателен, мой старый друг, — усмехнулся седовласый. — Это действительно стихи, о чем легко догадаться по ямбическому метру и наличию концевых рифм.

— Вы написали? — любопытствовал желтолицый.

— Нет, это написал другой человек, тоже дипломат, тайный советник Федор Иванович Тютчев. Несмотря на высокий чин, все сходятся на том, что поэтом был он еще лучшим, чем дипломатом.

— А что, — заинтересовался его визави, — неужели высокий чин мешает писать стихи? У нас

в Китае все наоборот: лучшие стихи создавались не кем-нибудь, а императорами.

— Читал я ваших императоров, — сурово отвечал седовласый. — Если бы не были они императорами, никто бы их стихов и не помнил. Нет, мой милый, государственные дела серьезно мешают литературным упражнениям, и исключение в виде господина Тютчева только подтверждает правило.

— Вы поэтому стихов не пишете? — спросил Ганцалин, при этом в голосе его китайском, кажется, прозвучало некоторое осуждение.

Спутник его отвечал, что не пишет он стихов главным образом потому, что с юности не имел способностей к поэзии, а сейчас уже и поздно начинать. Желтолицый на это заметил, что возраст тут ничего не значит и что господину всего только шестьдесят. Это расцвет у мужчины, и как раз сейчас самое время ему заняться стихосложением.

— Расцвет, — усмехнулся тот, кого желтолицый звал господином. — А помнишь ли ты, что во времена последней китайской династии Цин людей, достигших семидесяти лет, считали необыкновенными долгожителями? Таких долгожителей приглашали на торжественный обед к императору, где их чествовали и вручали им особые посохи долголетия.

— Вам не семьдесят лет, а шестьдесят, — уперся желтолицый. — Вы совсем еще молодой, надо только волосы покрасить в черный цвет.

Спутник его удивился: с какой это стати он должен красить волосы в черный цвет? С такой, отвечал Ганцалин, что барышни не любят